

УДК 811.161.1

Федорова Н. И.*Казанский (Приволжский) федеральный университет***ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РУССКОГО НАРОДНОГО ЗАГОВОРА
ОТ НЕДУГА**

Аннотация. В статье рассматривается русский народный заговор в прагматическом аспекте. Анализу подвергается композиция фольклорного жанра, определяется прагматическая составляющая каждого структурного компонента. Автором предпринимается попытка охарактеризовать выделенные компоненты с точки зрения их языкового выражения. Особое внимание уделяется адресату сообщения. Также исследуются отличительные прагматические характеристики народного заговора. В ходе исследования устанавливается, что заговор имеет специфические особенности по достижению положительного результата коммуникации.

Ключевые слова: прагматика, народный заговор, фольклор, адресат, сообщение.

N. Fedorova*Kazan (Volga region) federal university***PRAGMATIC ASPECT OF RUSSIAN FOLK CHARMS AGAINST AILMENT**

Abstract. The article deals with Russian folk charms in pragmatic terms. The author analyzes the composition of folklore genre, as well as the pragmatic component of each structural component is defined. The author attempts to describe the selected components in terms of their linguistic expression. Particular attention is paid to the recipient of the message. The distinctive characteristics of pragmatic national conspiracy are analyzed. The study argues that the charms have specific features to achieve a positive result of communication.

Keywords: pragmatics, folk charms, folklore, message, recipient.

Переключение фокуса внимания лингвистики на репрезентацию субъекта в языке значительно расширило предметную область исследований. Так, активному изучению подвергается процесс коммуникации, а также различные компоненты данного процесса.

По мнению А.Ю. Масловой, обращение к речевой деятельности является логичным результатом развития общества: «Стимулом для радикальной смены парадигмы явились прежде всего экстралингвистические факторы: в обществе сформировался социальный заказ на знание закономерностей человеческого (вербального) общения. Жизнь человека, отражаясь в языке, находит в нём соответствующие формы выражения, становясь содержанием коммуникации» [2, с.10].

Приведённое утверждение мы считаем справедливым, так как, во-первых, полноценное существование человека, безусловно, предполагает, вступление в процесс коммуникации; во-вторых, в течение жизни существуют ситуации,

требующие определённых форм выражения. К таковым можно отнести ситуацию приветствия, просьбы, знакомства и т. д.

Осуществление процесса коммуникации требует обмена информацией между коммуникантами, что достигается в результате использования системы символов, знаков.

Дальнейшее развитие исследования коммуникации позволило выявить в данном процессе адресанта и адресата, между которыми при помощи определённого кода происходит обмен необходимой информацией. Р. Якобсоном было введено понятие *контекст сообщения*, связанное с передаваемой информацией, а также понятие контакта, что актуализирует представление о регулятивном аспекте коммуникации [6].

Выявление изложенных выше компонентов процесса коммуникации явилось толчком к исследованию различных коммуникативных ситуаций. Так, к настоящему моменту проанализированы многочисленные аспекты делового общения, общения представителей различных социальных, возрастных и иных групп.

Причиной этому, на наш взгляд, послужило развитие функционального подхода к изучению речевой деятельности. «Функциональный подход – это «определение на фоне системных свойств и особенностей структурной организации лингвистических объектов их семантического потенциала, изучение функциональной значимости тех или иных языковых единиц, то есть выявление роли, которую они играют в высказывании, тех задач, которые они выполняют, той цели, которой они достигают» [5, с. 20].

Данная статья имеет целью проанализировать с точки зрения функционального подхода русский народный заговор. Обращение к данному жанру обусловлено спецификой его функционирования. На наш взгляд, каждый из выделяемых компонентов коммуникации заслуживает особого внимания.

Необходимо отметить, что заговоры исследовались с точки зрения тематики, структуры, композиции, сюжета. Заговоры привлекали учёных ещё в XIX веке. Н.В. Крушевский, член Казанской лингвистической школы, писал: «Заговор есть выраженное словами пожелание, соединенное с известным обрядом или без него, пожелание, которое должно непременно исполниться» [1, с. 40]. Далее учёным приводится ряд примечаний. Первое касается употребления им в определении жанра термина *пожелание* вместо возможного *молитва*, чему следует довольно логичное объяснение: понятие *молитва* требует непременно наличие какого-либо божества, в то время как в заговоре не всегда присутствует обращение к божеству [1, с. 40]. Данное примечание кажется предельно актуальным, так как в качества адресата выступают божество, представитель отрицательных сил, а также предметы неживой природы.

Особо ценным нам видится следующее замечание Н.В. Крушевского: «В явлении заговора необходимо выделять две вещи: 1) вера в возможность навязать свою волю божеству, человеку или известным предметам и обстоятельствам; 2) веру в слово человеческое как самое ценное средство навязать кому-нибудь или чему-нибудь свою волю» [1, с. 40]. Считаем, что

представленные выше характеристики заговора указывают на его воздействующую функцию.

Приведённые слова можно расценивать как предпосылки выявления прагматического аспекта заговора, так как высказывание учёного предвосхитило дальнейшее развитие лингвистики в целом. Хочется отметить, что нас также интересует способность разговорного текста убеждать человека и воздействовать на него. Именно по этой причине мы задались целью исследовать прагматический аспект заговора, так как «прагмалингвистика выделяется как область лингвистических исследований, имеющих своим объектом отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействует говорящий / пишущий и слушающий / читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания» [4, с. 4].

Как видим из определения, в диапазон исследования прагматики входят условия употребления языковых единиц, адресат и адресант сообщения, их характеристики, возлагаемые на акт коммуникации ожидания.

Обратимся непосредственно к тексту заговора и проанализируем перечисленные критерии.

Так, согласно преданиям, текст заговора был доступен только определённому, причём строго ограниченному, кругу лиц. Произносящий заговор должен знать не только текст, но и условия, определяющие продуктивность проговариваемого текста. Об этом

свидетельствуют «ремарки», сопровождающие текст заговора: *читать только на убыльной луне; встань посередине перекрестка лицом к солнцу и сорви траву, которая окажется справа от ног; сделай деревянный крест из осины и аккуратно води им по больному месту, приговаривая* [3].

Представленные описания поведения говорящего, специфичность времени суток, необходимых для произнесения заговора атрибутов, подчёркивает сакральность данного фольклорного жанра, что проявляется даже на экстралингвистическом уровне: непременно должны быть произведены определённые действия, направленные на осуществление изложенной в заговоре просьбы.

Далее следует непосредственный текст заговора. Он может быть различным по лексическому наполнению, по предназначению (от чего или для чего), однако его структура всегда отличается предельной стройностью и консервативностью.

Первой частью в заговоре выступает обращение.

1. *Редька болючая, редька колючая, /Редька сыпучая, редька нутряная, /Редька ветряная, сгинь, пропади. /Аминь.* [3, с. 181];

2. *Чертушки-братушки, /Скорые ребяташки. /Скорее идите, /Подарок мой заберите. /Иначе нет мне ни дыху, ни продыху....* [3, с. 156];

3. *Ты, Господь, видишь. /И ты, небо, слышишь, /И ты, моё тело, дышишь....* [3, с. 155];

4. *Прими, земля, с меня то, что меня давит, /А тому, кто моей хворью правит, – прости...* [3, с. 158].

Обращения, которые мы встречаем в текстах заговоров, можно классифи-

цировать. Первая группа (пример номер 1) представляет собой образное обращение к недугу непосредственно. К следующей группе относится обращение к силам, способным исполнить просьбу говорящего (примеры 2, 3, 4). Отметим, что обращение может осуществляться к лицам /предметам с положительной коннотацией (Господь), с отрицательной коннотацией (*Чертушки-братушки*), а также к предметам неживой природы (небо, земля).

Н.В. Крушевский писал, что время создания заговоров относится примерно к эпохе фетишизма, так как именно с этой фазой связана возможность навязать свою волю божеству, что мы отчетливо видим в заговоре [1, с. 40].

Представленная же дифференция адресата показывает, что автор был способен различать божества, а также их антиподы. Кроме того, в сознании древнего человека имелись представления о неживой природе. Отметим, что нами не обнаружена какая-либо зависимость выбора адресата заговора от характера заболевания. Однако дифференциация адресата определяет следующий структурный компонент жанра.

Обращение к недугу непосредственно сопровождается просьбой покинуть тело больного. Данная часть заговора содержит императив (пример 1) или слово категории состояния, репрезентирующее категорический запрет:

Грыжа белая, грыжа жёлтая, грыжа чёрная, /В чистом поле, на синем море, / Там тебе место, там тебе гнездо, / Там твои сваты, там твои братья, / Там твоя сестра, зятя, / А здесь, в теле раба Божьего (имя), жить нельзя [3, с. 197].

Обращения с положительной, часто религиозной, коннотацией сопровождается просьбой о содействии в исцелении:

Икона святая, святые образа, / Богородицы глаза, / Посмотрите, поглядите, / Боль в печени утолите [3, с.175]; Иисус Христос, / Возлюби рабы Твоей (имя) дух. / Ты сам Спас, всех спасашь, / От любой хвори поднимаешь. / Господь, приди, в правую руку легкие возьми, / Дай им дышать / Вольно и не больно. / Господи, не сама я болеющей помогаю, / А имя Твоё / В помощь рабе Божьей (имя) призываю [3, с.218].

Просьбы в данном случае превосходят приведённые выше имперические формы в аспекте вежливости. В данном случае репрезентиварована семантика уважения, почёта по отношению к объекту обращения.

Упоминание в тексте заговора лиц с отрицательной коннотацией влечёт за собой описание необходимого действия, обеспечивающего выполнение заговора:

Ребятушки-чертенятушки, / Сядьте на челнок, / А то не челнок, а ветка-дубок. / Вам на ней кататься, / А мне без болезни остаться [3, с. 157].

Употребление названий предметов неживой природы в качестве объекта обращения связано с конкретной просьбой, отличительной особенностью которой является снижение уровня вежливости: данный факт мы объясняем отсутствием просьбы о помощи при обращении к предметам неживой природы, а также побуждением к определённому действию.

Гора, ступай в гору, мышшь, ступай в нору. / Огонь, ступай до воды,

А к этому телу не подходи [3, с. 367]; Шишак, выйди из дома, / Не твоя это

хорома./ Пойди на курица, суслика,/ На черный вар./ Дам я тебе святой дар / Крест, чтобы шишак с тела слез. Пойди в пория, курия./ Ключ, замок, язык. Аминь [3, с. 227]; Пойди, кровь, прогуляйся,/В комки не сбивайся,/Как Богом положено И как тебе, кровь, дорога проложена/По своим руслам бежать, Комками не стоять [3, с. 369].

Следующим структурным компонентом является непосредственное произнесение искомого «требования», направленного на получение чего-либо желаемого или избавление от чего-то имеющегося. Часто этот компонент представлен односоставными предложениями. Так, характерными являются односоставные инфинитивные предложения, содержащие категорический запрет чего-либо, а также односоставные определенно-личные, передающие действия произносящего заговор:

Рублю перстом/Самым слабым,/Самым малым,/Самым крайним./

Здесь не быть, как говорю,/Так твои корни мизинцем перерублю.

Аминь [3, с. 380].

Осуществление искомой просьбы нередко связывают с каким-либо действием или состоянием природы. Так, с целью вернуть телу подвижность произносится заговор, в котором подвижность тела уподобляется по качеству и силе вере в Христа:

Солнышко на восход,/Сонливость на заход./Как крепка вера

В Иисуса Христа,/Так чтобы и я была /Крепка и весела [3, с. 384].

Проведение параллелей между состоянием человека и окружающей природы также связано с бытовавшей наивной картиной мира, согласно которой многие предметы неживой при-

роды представлялись как одушевлённые.

Проведение параллелей могло наблюдаться и без «одушевления» предмета: *Как эта зола больше не горит, / Так и у меня, рабы Божьей (имя), Больше живот не болит. / Во имя Отца и Сына и Святого Духа. / Ныне и присно и во веки веков. Аминь [3, с. 253].*

Завершается каждый заговор своеобразной закрепой: *Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь* или *Ключ, замок, язык.*

Предполагаем, что первая закрепа подчёркивает силу некоторых сверхъестественных сил, а также раскрывает иерархию устройства окружающего мира. Вторая закрепа представляется нам символом, обозначающим завершение некоторого таинства и его дальнейшее «неразглашение».

О необходимости умалчивания о произнесении заговора свидетельствует и взаимодействие с адресатом: каждое произнесение заговора требует уединения, что противоречит условиям коммуникации. Так, известно, что положительный результат коммуникации достигается при чётком и достаточно громком произнесении слов, что продиктовано необходимостью реципиента максимально чётко воспринять информацию. Отметим, что А.Ю. Маслова выделяет следующие стадии восприятия речи: «расшифровка синтаксических конструкций, грамматических форм, понимание общего смысла высказывания, понимание замыслов и мотивов высказывания, оценка полученной информации (содержание высказывания, его идеи, позиции говорящего)» [2, с. 35]. Однако в заговоре мы видим абсолютно

противоположное явление: для достижения положительного результата коммуникации необходимо проговаривание шёпотом вне зависимости от адресата сообщения. Подчеркнём, проговаривание шёпотом затрудняет восприятие информации в целом.

Интересным также представляется вопрос об адресанте заговора: в этом качестве может выступать некий целитель, знахарь или человек, страдающий от недуга. В ходе исследования нами не были установлены какие-либо показатели дифференциации данной категории.

Таким образом, исследование русского народного заговора в прагматическом аспекте обнаруживает специфику жанра, которая заключается в своеобразных условиях произнесения, особенностях композиции жанра, что свидетельствует о сакральности анализируемого жанра.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Крушевский Н.В. Заговоры, как вид народной поэзии// Варшавские университетские известия. – 1876. – № 3. – С. 3-69.
2. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 152 с.
3. Степанова Н.И. Большая защитная книга здоровья. М.: РИПОЛ классик, 2013. 1056 с.
4. Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики// Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин: Изд-во Калининского гос.ун-та. 1983. – С. 3-15.
5. Широкова А.Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков//Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 11-100.
6. Якобсон Р.О. Речевая коммуникация. Язык в отношении к другим системам коммуникации: Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 306-330.